

Среди книг

с Алиной Поповой

[274]

ИЛ 4/2020

“Французская поэзия, как,
собственно, и всякая другая,
это расширяющаяся Вселенная”

Михаил Яснов *О французских поэтах и русских переводчиках*. — М.: Центр книги Рудомино, 2017. — 352 с.

Вынесенным в заголовок предупреждением о нестатичности и непредсказуемости явлений, с которыми имеет дело переводчик, предварим рассказ о книге, ставшей продолжением тома избранных переводов М. Яснова из французской поэзии (“Обломки опытов”, 2016) и выпущенной, так же, как и первая, Центром книги Рудомино.

В новом томе собраны преимущественно не переводы стихов, а то, что вокруг: литературные портреты, эссе, этюды, заметки. Том состоит из трех, дополняющих друг друга частей. Первая, “Французские поэты в кругу русских переводчиков”, повествует о знаменательных событиях в истории отечественного стихотворного перевода, например, о непростой коллективной работе поэтов и переводчиков над “Орлеанской девственницей” Вольтера на русском языке или о судьбе переводов из Беранже, Верлена, Рембо и Аполлинера. Стиль изложения легок и доходчив, но одновременно ёмок: скажем, в открывающей книгу двадцати-

страничной статье о перипетиях издательской подготовки “Орлеанской девственницы” заодно резюмируется процесс формирования принципов отечественного поэтического перевода с начала XVIII века и до начала XX века, до “заповедей” Гумилева, записанных как раз в начале работы над поэмой Вольтера и сложившихся в дискуссиях с соавторами по издательским планам “Всемирной литературы” — Блоком и Чуковским. Показана сложнейшая работа редактора стихотворного перевода — на примере изменений, внесенных М. Лозинским в тексты соавторов русского текста поэмы, в том числе в тексты Гумилева, которые в статье цитируются и в исходном виде, и после редактуры. Читатель включается в атмосферу, царившую в издательстве “Всемирная литература”, которое объединило известных поэтов и теоретиков первых десятилетий XX века, и в жизнь пришедшего ему на смену издательства “Academia”, а также переводческой студии Лозинского.

Важная особенность книги — стремление навести мосты между бытованием французской культуры в момент написания определенных поэтических текстов, — и русской в тот момент, когда они переводились, определить место оригинала и перевода в культуре и истории обеих стран и уяснить влияние литературного перевода на жизнь государства в целом: “...история с запретом на ее (“Орлеанской девственницы” — А. П.) перевод в самодержавной России учит только одному: все должно делаться вовремя; была бы поэма включена в литературный обиход, когда страсти ее разогревавшие были еще остры <...>, вполне возможно, мы имели бы дело с несколько иной этикой и с несколько по-иному оформленной литературной традицией”.

Значимым и полезным кажется неоднократное появление нескольких версий одного и того же текста: вариантов перевода одного и того же стихотворения (например, сравнение переводов Верлена у Брюсова и Б. Лившица), нескольких редакций одного и того же перевода, (авторских, в случае Э. Л. Линецкой, или после чужой редакторской правки, например, Гумилев — Лозинский). Автор-переводчик невзначай показывает читателю, насколько вообще-то непросто, небыстро и неоднозначен процесс перевода, в котором и большие поэты иногда подвергаются правке, а мастера точно не знают, как будет лучше, — или на разных этапах жизни меняют предпочтения. Ясно не разжевывает подробности этих

сопоставлений и, предполагая, что читателю “легко проследить за методом эмоциональных и интонационных ‘уточнений’”, дает ему возможность самому судить, всегда ли переработка перевода приводит к созданию более естественно звучащего текста. Не все такие сопоставления снабжены в книге оригиналом переводимого стихотворения, но речь идет о классике, и читатель может при желании легко отыскать тексты сам.

Опыт книги показывает, что сравнение подходов разных переводчиков к творчеству одного поэта может быть не просто комментарием к переводным текстам — вроде рубрики “Вглубь стихотворения” в “Иностранной литературе” или предисловий к собраниям переводов, — но и предметом эссе для автономного чтения. Автор обращается к читателю, представляющему себе, кто такие Верлен, Рембо или Аполлинер. Такому читателю будет по плечу тридцатистраничный обзор творческих принципов разных переводчиков Верлена, без обсуждения удач и неудач, зато с указанием того, на что каждый из них больше обращал внимание, что считал важным сохранить в переводе... Это читатель зрелый, понимающий, что “точного” и “единственно правильного” перевода поэзии нет и быть не может. Но все же, как сказано в аннотации, главный тезис автора — “перевод поэзии возможен и неизбежен”.

Это утверждение изящно уравнивается второй частью книги — “XX век: фрагменты из непереводаемого”.

По собственной характеристике автора, это рассказ о поэтах-сюрреалистах, их предшественниках и последователях. Хотя, казалось бы, не все имена, возникающие в этих очерках, попадают в одну из трех названных категорий. Особняком стоят и Рене Шар, и порвавший с сюрреализмом Реймон Кено, и Мишель Деги, а из более поздних — Жан-Люк Моро, Жак Шарпантро, Клод Эстебан и Жан-Мари Барно, — но не важно, считать ли этих поэтов последователями сюрреалистов; существенней, что кто-то из них наверняка станет для читателей открытием.

Заметим, что собранные в книге статьи и эссе, хоть и публиковались раньше по отдельности, здесь даются в новой редакции, иногда они существенно изменены автором, а многие стихи, цитируемые во второй части, переведены специально для этой публикации.

Третья часть книги представляет собой творческие биографии Е. Г. Эткинда и Э. Л. Линецкой. К ним прилагаются не публиковавшаяся ранее на русском языке статья Эткинда “Французский ‘поэтический человек’ XVIII века” и нескольких переводов Линецкой; в очерк о ней включены собственные стихи переводчицы из ее домашнего архива, а также статьи, посвященные Ю. Б. Корнееву, коллеге, объединенному с ней совместной работой, и Г. Г. Шмакову, любимому ученику.

Интонация заключающих книгу текстов — теплая и немного грустная: “Это разговор об учителях, памяти которых автор и посвящает эту книгу”.

Ценное свойство, присутствующее уже в первом томе, — попытка осмысления и объяснения читательского восприятия переводной поэзии в России, скажем, рассуждение о том, как кстати пришлось в 60–е годы “с их романтическим духом мерцающей свободы” лирика Превера. Из этого же ряда размышление о читательских ожиданиях, которым то, как переводчик интерпретирует стихи, может или соответствовать, или нет — и во втором случае переводы не вызовут отклика и не приживутся. В книге можно найти конкретные примеры таких несовпадений.

Огорчает, правда, отсутствие, как и в первом томе, каких бы то ни было указателей. А ведь в книге, что вполне логично при ее структуре, по несколько раз возникают одни и те же имена поэтов и переводчиков, иногда — названия одних и тех же произведений, переводы которых весьма интересно сопоставить (например, многократные обращения к “Поэтическому искусству” Верлена), по несколько раз возникают значимые понятия теории перевода: например, читательские ожидания, переводчик “объективного” типа, метод эмоциональных и интонационных “уточнений”... Именной и предметный указатель могли бы дать читателю возможность еще одного, нелинейного, прочтения — или прочтения *по другой линии*... А автор получил бы возможность заметить, что некоторые из этих понятий он не определяет и не указывает источник своего толкования их, что, впрочем, не так уж страшно: мы имеем дело

с интуитивно прочитывающимися вещами, а все-таки для особо интересующихся это могло бы стать полезным подспорьем.

Осталось пожалеть о небольшом тираже (всего тысяча экземпляров) и посоветовать тем читателям, которым повезет книгу все же заполучить, снять суперобложку и развернуть ее, отогнув клапаны, — тогда иллюстрация с обложки предстанет цельной; равно как и весь этот разносторонний том: его нужно повертеть в руках и почитать во всех направлениях, чтобы вошедшие в него тексты сложились в единую картину и стало ясно, что их соединение логично и естественно.

Но что за рецензия на книгу стихов без стихов? Вот, на-

пример, из раздела о непере-
водимом — Михаил Яснов под-
хватывает непереваемую ал-
люзию Рэмона Кено на песен-
ку про пастушку под дождем,
которую во Франции знает ка-
ждый ребенок, а в России —
нет, но стихи это не портит:

Ах дождик над пастушкой
заезженный мотив
вагоны друг за дружкой
везет локомотив

ложбинами зелеными
лугами среди рос
гремит перед вагонами
лукавый чаровоз

ах дождик над пастушкой
над копотью полей
над ушлою простушкой
цивилизацией